

Теоретические основы и результаты апробации техники нарративного анализа культурного опыта человека

Ю. А. Проект^{✉1}

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 191186, Россия, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Сведения об авторе

Юлия Львовна Проект,
SPIN-код: 5532-5143,
Scopus AuthorID: 57197748967,
ORCID: 0000-0002-1914-9118,
e-mail: proekt.jl@gmail.com

Для цитирования:

Проект, Ю. А.
(2020) Теоретические основы и результаты апробации техники нарративного анализа культурного опыта человека. *Психология человека в образовании*, т. 2, № 3, с. 294–306.
DOI: 10.33910/2686-9527-2020-2-3-294-306

Получена 27 июля 2020; прошла рецензирование 29 июля 2020; принята 29 июля 2020.

Права: © Автор (2020).

Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. Целью настоящего исследования стало изучение роли культуры в конструировании нарративов индивидуальной жизни. Для решения задач исследования была разработана техника нарративного анализа взаимодействия человека и культуры. Предложенная методика строится на принципах идеографического подхода, элементах техники репертуарных решеток и основана на теориях структурного анализа фикциональных текстов, содержащих универсальные сюжеты и последовательности событий. Участниками исследования стали 223 человека, в том числе 133 подростка и 90 человек юношеского и зрелого возраста. Результаты исследования позволили выявить четыре типа сюжетных линий, доминирующей темой которых становится путешествие героя. Первый тип путешествия связан с испытанием личности героя, обретением им нового качества, что определяет локализацию его результатов, преимущественно во внутреннем мире. Второй тип путешествия проявляет себя через возвращение к исходным условиям, нарушенным какими-либо обстоятельствами, восстановление первоначального состояния и обретение гармонии. Такое путешествие преимущественно имеет результаты во внешнем предметном мире. Восхождение героя указывает на путешествие, преимущественно имеющее результаты во внешнем социальном мире. Четвертая сюжетная линия является скорее обозначающей социальный контекст путешествия, эмоционального знака участия в нем других людей. Результаты исследования показали, что культурные истории, представляющие значимость для испытуемых, становятся для них потенциально возможными мирами, обладающими высоким уровнем напряженности и сложности внешних условий. Значимые истории личного опыта, напротив, связаны с гармоничностью и психологической комфортностью ситуаций, кратковременным переживанием счастья.

Ключевые слова: жизненный опыт, культура, нарратив, аффективное и событийное содержание истории, обобщенные сюжетные линии.

The “Storyworlds” method as an implement of narrative analysis of human and cultural interactions: Theoretical framework and approbation outcomes

Yu. L. Proekt✉¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

Author

Yuliya L. Proekt,
SPIN: 5532-5143,
Scopus AuthorID: 57197748967,
ORCID: 0000-0002-1914-9118,
e-mail: proekt.jl@gmail.com

For citation:

Proekt, Yu. L.
(2020) The “Storyworlds” method as an implement of narrative analysis of human and cultural interactions: Theoretical framework and approbation outcomes. *Psychology in Education*, vol. 2, no. 3, pp. 294–306.
DOI: 10.33910/2686-9527-2020-2-3-294-306

Received 27 July 2020;
reviewed 29 July 2020;
accepted 29 July 2020.

Copyright: © The Author (2020).
Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under CC BY-NC
License 4.0.

Abstract. The present study investigates the role of culture in the construction of an individual life’s narrative. In order to carry out the research, the author designed and tested the technique of narrative analysis of human and cultural interaction. The method is based on the concepts of standard dramatic situations, structuralist statements about universal sequences of events in the structure of cultural narratives combined with the concept of inextricable connection between a person’s individual history and the socio-cultural context of his life. The method was tested on a sample of 223 people, including 133 teenagers and 90 adults. As a result, four types of storylines were empirically identified, with a journey being the dominant theme in all of them. The first type of journey is associated with a test of the hero’s personality and the acquisition of a new quality. This journey mainly affects the hero’s inner world. Another type of journey involves a return to the original conditions previously violated by some circumstances, restoring homeostasis and finding harmony. Such journeys mainly affect the external objective world. The ascent of the hero indicates a journey that primarily affects the external social world. The fourth type of storyline is more likely to establish the social context of the journey, an emotional sign of other people’s participation in it.

The outcomes of the study suggest that cultural stories that are significant for an individual form a space for modelling ways of coping with extreme conditions and difficult life situations, while significant personal stories are linked to the experiences of happiness, psychological comfort and well-being.

Keywords: life experience, culture, narrative, affective and eventive content of a story, generic plot lines.

Введение

Вторая половина XX века знаменуется «нарративным» поворотом в гуманитарных науках. Так, одним из ведущих психологов, поспособствовавших возрастанию интереса к нарративному анализу, стал Дж. С. Брунер. Он утверждал, что существуют две формы познания: рациональное, логическое и интуитивное, нарративное, причем последняя основана на согласованности, связанности и исторической оправданности человеческих историй (Bruner 1986). И хотя подобные идеи обнаруживают свои корни еще в работах В. Вундта, именно междисциплинарная основа, на которой строится современный нарративный анализ, позволяет ему стать определяющим принципом целостного понимания жизнедеятельности человека и общества. Нарративный подход органично связан и с идеями культурно-исторической психологии А. С. Выготского, что дает возможность рассматривать психологические явления в неразрывной связи с функционирующими в обществе

социокультурными и дискурсивными практиками (Bruner 1986).

Нарративный подход и конструктивистская парадигма

Сущность нарративного подхода раскрывается в его принадлежности к конструктивистской парадигме, основанной на предположении об условности и сконструированности реальности (Челнокова 2012), которая выстраивается посредством использования знаковых систем различного характера. Исторически и культурно обусловленные взаимодействия между людьми порождают соответствующие им знания, понятия и формы (Алехин, Богдановская, Королева и др. 2013; Джерджен 2003). При этом центральное значение приобретает культурно обусловленная коммуникация и диалог. Согласно Дж. Верчу, тесная связь социальных коммуникаций с индивидуальными психологическими процессами является ключевой характеристикой, подкрепленной диалогическим характером человеческого сознания (Wertsch 1991). Основываясь на идеях М. М. Бахтина, Дж. Верч при-

ходит к выводу о первостепенном значении культурного нарратива в этих процессах. Именно культурные нарративы создают общее для людей интерпретационное поле, обеспечивая тем самым смысловые схемы объединения дискретных событий в единое целое (Wertsch 2002). В данном контексте нарративы выступают как инструменты, реализующие функцию связывания, соединения в индивидуальном и общественном сознании некоторых универсальных сюжетных линий и сценариев. Подобные сценарии определяют рамки отбора единичных фактов и событий индивидуальной или коллективной жизни для их сохранения в памяти. При этом те факты, которые не соответствуют ни одному из бытующих в культуре или индивидуальном сознании смысловых построений нарративов, подлежат забвению или игнорированию.

Диалог приобретает центральное значение для современной нарративной психологии. Еще в работах М. М. Бахтина выделяется диалогическая самость человека (Бахтин 1979). Его сознание включает в себя образы значимых других, вступающих во внутренний диалог с различными позициями Я-образа. Так, по мнению Г. Херманса, диалогическая самость человека (Self) представляет собой динамически проявляющуюся совокупность комплекса относительно автономных Я-позиций, каждая из которых имеет свою уникальную историю, голос и отношения (Hermans 2001). Различные позиции Self могут иметь отличные от других, иногда даже противоположные мнения, отношения и переживания, проявляющие себя применительно к конкретной ситуации, времени и пространству, предоставляющим им право голоса. Такой взгляд существенно отличается от попыток поиска централизованного, рационального Я, неизменного во времени и пространстве, и вследствие этого имеющего кристаллизованную структуру, которую так легко измерять опросниками и тестами. В противовес подобному подходу Г. Херманс предлагает теорию валуации (valuation) как процесса конструирования смысла людьми, выступающими пристрастными рассказчиками, избирательно сосредотачивающимися на событиях, которые «важны для них с точки зрения основных мотивов», что приводит к более яркому и насыщенному описанию этих событий (Херманс 2006–2007, 22).

Нарративный подход как исследовательский метод

Возрастающее внимание к применению нарративного анализа связано, прежде всего,

с обсуждением его преимуществ и ограничений. Междисциплинарность нарративного подхода порождает не только новые возможности для анализа, но и предъявляет дополнительные требования к психологу, анализирующем нарратив. Достаточно сказать, что он должен иметь широкий горизонт познаний в смежных науках для того, чтобы достичь большего понимания анализируемого материала. От психолога потребуются не только навык анализа содержания нарратива, но и понимание его семантики и синтактики, являющихся неотъемлемыми составляющими его смыслопостроения. Методические проблемы возникают уже на уровне определения самого термина, а следовательно, и материала, который может быть классифицирован как нарратив (Кутковая 2014).

В настоящее время наиболее часто психологи проводят нарративное интервью, которое по своему характеру и по технике исполнения соответствует глубинному интервью и отличается от последнего только предметом обсуждения. Для обработки полученной информации используется контент-анализ и другие традиционные техники анализа текстов, независимо от характера самого текста (Кутковая 2014). Определенная специфичность достигается в психотерапевтических нарративных практиках, однако она направлена на изменение характера наррации клиента, понимаемое как базис его личностных изменений. Среди нарративных исследований можно встретить и применение определенных вариантов опросного метода. В этом случае исследователь уделяет внимание исследованию различных аспектов проживания опыта рецепции и погружения в нарративный мир (Green, Brock 2000).

Тем не менее в психологии накоплен значительный опыт целостного описания личности с использованием идеографического подхода к исследованию человека. В контексте данного подхода личность изучается в совокупности ее уникальных и типических характеристик, развивающихся вследствие неповторимого сочетания жизненного контекста и ситуаций, из которых складывается человеческая биография. В рамках данного подхода зарождались и получали развитие качественно-количественные методы (mixed methods), при использовании которых стало возможным задействовать весь арсенал количественных методов анализа данных о человеке, целостно рассмотреть его в контексте получаемой качественной информации. Среди таких идеографических техник широкую известность приобрел метод репертуарных решеток (Франселла, Баннистер 1987).

Его характерной особенностью является стандартизация этапов и процедур извлечения информации, тогда как объекты оценивания, которыми оперирует испытуемый и к которым он выражает свое отношение, не заданы извне.

При разработке методики мы основывались на идее междисциплинарной интеграции теорий, пришедших из когнитивного литературоведения и отражающих стандартные драматические ситуации, концепции когнитивных схем, положения о неразрывной связанности личной истории человека и культуры, в которой он существует. Целью использования предлагаемой техники стало изучение роли культуры в конструировании нарративов индивидуальной жизни. Мы не предлагали испытуемому воспроизводить подобный нарратив в устном или письменном виде, что снижает уровень его сопротивления такой задаче. В данном случае испытуемый осуществляет анализ бытующего в его сознании биографического нарратива, с одной стороны, а также набора значимых культурных нарративов, с другой. Помимо снижения риска активизации психологических защит, такая задача нивелирует возможность возникновения трудностей в текстовом выражении нарратива, поскольку он представлен в сознании испытуемого и скрыт в его полном выражении для других людей. Роль испытуемого в рамках данной техники смещается на анализ и рефлексию собственных нарративов при поддержке психолога-исследователя.

Методика

Участники исследования

В качестве испытуемых в данном исследовании выступили 223 человека в возрасте от 14 до 44 лет. Все участники исследования проживали в Санкт-Петербурге. Выборку испытуемых подросткового возраста составили учащиеся школ, лицеев и колледжей, в том числе 55 мальчиков и 78 девочек ($M_e = 16$, $\bar{X} = 15,34$; $s = 1,19$). В число испытуемых юношеского и зрелого возраста вошли 12 мужчин и 78 женщин ($M_e = 21$, $\bar{X} = 23,14$; $s = 5,28$).

Описание разработанной методики

Предлагаемая методика «Жизненные истории» включала в себя блоки, построенные на техниках работы в рамках нарративного интервью и метода репертуарных решеток Дж. Келли (Келли 2000). На первом этапе работы участникам исследования предлагалось вспомнить и записать условные названия десяти историй,

из которых большая часть имела отношение к их опыту взаимодействия с культурой, а три истории имели отношение к непосредственно событийному жизненному опыту. Мы определили состав репертуарного списка историй на основании выделения основных этапов изменения культурного опыта человека во времени и в пространстве отношений. Временная ось отражала наиболее значимые истории, закрепленные в жизненном опыте человека от раннего детства к его актуальному состоянию. Мы предлагали испытуемым назвать их любимую сказку (ранний детский опыт), первую и последнюю книги, оказавшие на них сильное воздействие (ранний и актуальный читательский опыт). Выбор в качестве объектов анализа книг, а не других культурных продуктов, был осуществлен в связи с тем, что чтение требует наибольшей личностной включенности и активности при построении смысла нарратива (Сох 2005, 15). Пространство отношений человека к продуктам культуры было определено переживаниями различных эмоций, таких как удивление (альтернативный культурный опыт) и гнев (конфликтный культурный опыт), придание предельной ценности (сверхценный культурный опыт), а также возможности замещения фрустрированной потребности в общении (компенсаторный культурный опыт). Идея измерения иерархии смыслов произведений культуры была заимствована у О. И. Даниленко. Автор обозначала вопрос, «во имя чего» человек читает или смотрит те или иные художественные произведения, как ключевой в изучении предпочтений в области художественной культуры (Даниленко 2010). Непосредственный событийный опыт испытуемого отражался в репертуаре жизненных историй через произошедшую со значимыми другими историю, наиболее важную историю личного опыта и наиболее часто рассказываемую историю о себе. Следующий этап работы с методикой заключался в том, что испытуемые выбирали из предложенных сюжетных элементов те, которые, по их мнению, были присущи историям, входящим в их репертуарный список. Перечень сюжетных элементов был составлен на основе типичных событий и тем повествований, которые выделяли ранее ученые-структуралисты. Отбор событий основан на сокращенной классификации функций действующих лиц В. Я. Проппа, предложенной Дж. Родари (Родари 1990), а также на заданных П. К. Хоганом прототипических сюжетных схемах нарратива (Hogan 2003). На третьем этапе работы с методикой испытуемые оценивали выбранные ими истории по ряду шкал, включающих

перечень аффективных терминов (Херманс 2006–2007, 23). На заключительном этапе испытуемые оценивали по тому же перечню свое актуальное и желаемое состояния.

Анализ данных

Обработка результатов методики также представляла поэтапную работу с данными. На первом этапе использовался метод контент-анализа для выявления ключевых тем и нормативных событий, дискурсивно представленных в указанных респондентом историях культуры. На втором этапе проводился частотный анализ выраженности различных сюжетных элементов с целью выявления сюжетной линии обобщенного Я-нарратива личности, а также применялся многомерный анализ: анализ соответствий и факторный анализ для определения обобщенных сценариев нарративов и обобщенных групп историй. Третий этап включал в себя техники

работы с методом самоконфронтации и подсчет индекса r как согласованности аффективных профилей для двух историй. Индекс r также использовался для выявления генерализуемости какой-либо истории в рамках выбранного круга значимых жизненных историй.

В соответствии с самим характером методики были использованы различные статистические методы. При сравнительном анализе частот выборов тех или иных сюжетных элементов использовался показатель углового преобразования Фишера. В целях статистического моделирования полученных данных мы применяли анализ соответствий, факторный анализ по методу главных компонент с вращением варимакс. Для определения уровня согласованности аффективных профилей историй у испытуемых использовался ранговый коэффициент корреляции Спирмена. Статистическая обработка была осуществлена с помощью программы Statistica 8.0 (StatSoft, Inc.).

Табл. 1. Число уникальных выборов культурных историй в исследуемых группах

Выборка	Тип культурной истории						
	Ранний культурный опыт	Ранний читательский опыт	Актуальный читательский опыт	Сверхценный культурный опыт	Альтернативный культурный опыт	Конфликтный культурный опыт	Компенсаторный культурный опыт
Мальчики	26 (53,1)	34 (68,0)	36 (78,26)	25 (54,4)	26 (65,0)	22 (51,2)	22 (51,2)
Девочки	38 (49,4)	51 (65,4)	53 (67,95)	36 (48,0)	50 (73,5)	37 (60,7)	47 (69,1)
Общая выборка подростков	51** (46,4)	73* (69,5)	80** (72,1)	58** (47,9)	71** (65,7)	59** (56,73)	63* (56,76)
Мужчины	11 (92,0)	12 (100)	12 (100)	12 (100)	12 (100)	12 (100)	11 (92,0)
Женщины	52 (66,7)	66 (86,0)	69 (88,5)	52 (66,7)	73 (93,6)	71 (92,2)	53 (67,9)
Общая выборка взрослых	61** (68,0)	75* (83,3)	79** (87,8)	60** (66,7)	84** (93,3)	81** (90,0)	62* (68,9)

Примечание: в скобках приведен коэффициент разнообразия выборов подростков, определяемый как процентное соотношение количества уникальных выборов к общему числу выборов историй, за исключением отказов от ответа; * — различия в частотах на уровне $p < 0,05$; ** — различия в частотах на уровне $p < 0,01$ на основе расчета углового преобразования Фишера

Табл. 2. Четырехкомпонентная структура сюжета жизненной истории

Компонент	Элементы сюжета, составляющие компонент		Значения коэффициента альфа Кронбаха		
	Название	Вес в факторе	По общей выборке	По выборке подростков	По выборке взрослых
Наличие — отсутствие напряженных социальных взаимодействий Вес фактора — 5,15 Объясн. дисп. — 17,18 %	2. запрет	0,53	0,844	0,850	0,825
	4. разведка	0,57			
	5. обман	0,74			
	6. вредительство	0,57			
	7. посредничество	0,60			
	12. борьба	0,82			
	17. маскировка	0,59			
	22. альтруистический сюжет	0,56			
Трудное путешествие в поисках труднодостижимой цели (квест) Вес фактора — 3,94 Объясн. дисп. — 13,14 %	24. внешние препятствия	0,44	0,875	0,889	0,823
	3. нарушение запрета	0,62			
	8. нехватка/проблема	0,60			
	9. испытание	0,52			
	11. пространственное перемещение	0,55			
	18. преследование	0,48			
	19. трансформация	0,56			
	20. признание	0,49			
23. героический сюжет	0,44				
Туда-обратно: возвращение домой Вес фактора — 3,03 Объясн. дисп. — 10,11 %	27. индивидуальные действия	0,70	0,766	0,769	0,775
	1. отправка	0,77			
	10. помощь	0,42			
	16. возвращение домой	0,83			
Восхождение героя Вес фактора — 2,87 Объясн. дисп. — 9,58 %	26. разлука с близкими	0,57	0,795	0,805	0,778
	28. коллективные действия	0,49			
	13. победа	0,44			
	14. снабжение	0,44			
	15. решение	0,61			
20. признание	0,47				
29. счастливое завершение	0,83				

Результаты и их обсуждение

В результате частотного анализа данных было выявлено, что наибольшая унификация выбора историй отмечается в раннем, сверхценном и компенсаторном культурном опыте. Также отмечается, что с возрастом возрастает вари-

тивность выборов историй по всем категориям культурного опыта (табл. 1).

В целом выбор историй достаточно индивидуализирован. Наибольшая вариативность выборов в группе мальчиков обнаружена при указании книг раннего и актуального читательского опыта, в то время как в группе девочек

наибольшая вариативность выбора отмечается при определении историй альтернативного и компенсаторного культурного опыта. Тенденция к большему разнообразию вариантов выбора историй в альтернативном культурном опыте сохраняется и среди женщин, однако такой же вариативностью у них характеризуется скорее конфликтный, нежели компенсаторный культурный опыт.

На основе факторного анализа определены четыре обобщенные сюжетные линии, названные нами «Наличие — отсутствие напряженных социальных взаимодействий», «Трудное путешествие в поисках труднодостижимой цели», «Восхождение героя» и «Туда-обратно: возвращение домой» (табл. 2).

Проверка внутренней согласованности с использованием коэффициента альфа Кронбаха демонстрирует высокий уровень согласованности событий, составляющих выявленные в ходе факторного анализа сюжетные линии.

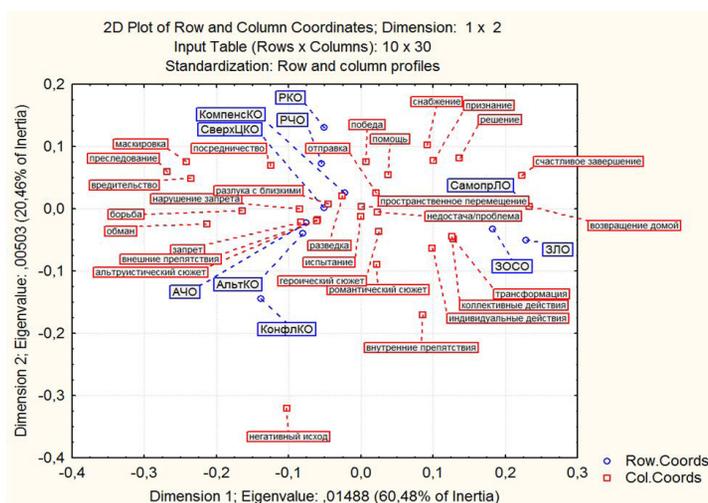
Мы провели анализ соответствий частот встречаемости сюжетных элементов выбираемых историй и их типа с целью определения некоторых характерных сочетаний различных типов культурного и событийного опыта испытуемых и событий, их характеризующих (рис. 1).

Горизонтальная размерность, обнаруживаемая в результатах анализа соответствий по всем исследуемым выборкам, имеет сходное смысловое наполнение, обозначенное нами как «напряженность — гармоничность отношений с социальным миром». Полюс напряженности отношений с социальным миром составили такие события, как вредительство, обман и преследование. На позитивном полюсе, напротив, расположены события, обозначающие гармонизацию отношений с миром, связанные со счастливым завершением истории, поддержкой и признанием. По этой оси наблюдается значительная дистанция между культурными историями и историями личного опыта. События, расположившиеся по вертикальной оси, скорее отражают их распределение по локализации во внешнем или внутреннем мире актора. На одном полюсе сосредоточены события, отражающие активное взаимодействие с миром, включающие как сотрудничество, так и противодействие со стороны других людей. Другой полюс определен событиями, связанными преимущественно с внутренними переживаниями (наличием внутренних препятствий к достижению цели, негативным исходом и т. п.). Здесь мы отмечаем у подростков наличие в поле событий внутреннего мира романтических отношений, близкого по смысловому наполнению к наличию внутрен-

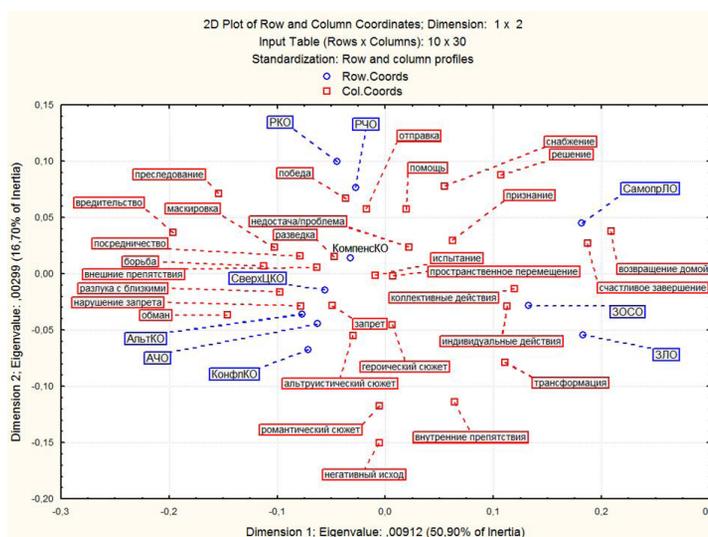
них препятствий и негативному исходу, что характеризует принятие подростками скорее трагического любовного сюжета. Интересно, что истории, связанные с ранним культурным опытом испытуемых (любимая сказка, первая книга), а также история-самопрезентация локализованы в пространстве активного взаимодействия с миром, тогда как актуальный читательский, альтернативный и конфликтный культурный опыт и истории личного опыта связаны с большей активностью во внутреннем, нежели внешнем мире. Подобные тенденции можно увидеть и у взрослой выборки, однако они менее выражены, что может быть связано с расширением жизненного опыта испытуемых.

Далее мы провели анализ соответствий для выявления связи определенных типов жизненных историй и их эмоционального наполнения на основе списка аффективных терминов (рис. 2).

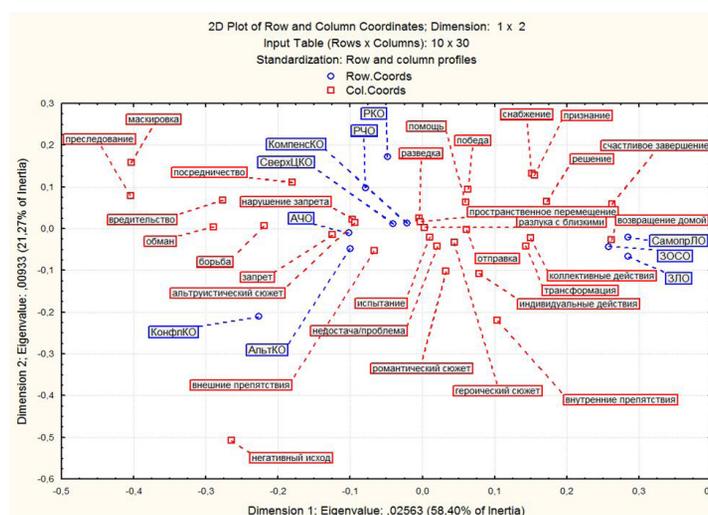
Горизонтальная размерность характеризуется распределением внутренних состояний по степени их позитивности — негативности. На позитивном полюсе данной размерности наблюдаются состояния радости, внутреннего покоя, счастья. На другом полюсе сосредоточены негативные состояния (несчастье, разочарование, уныние). Распределение внутренних состояний по вертикальной оси отражает их дифференциацию по длительности — кратковременности переживания. Так, на одном полюсе сосредоточены такие состояния, как спокойствие, радость, счастье, которые носят скорее кратковременный характер. На другом полюсе, напротив, — состояния, переживание которых отличается длительностью (сила, гордость, разочарование). Интересно, что в область длительно переживаемых негативных состояний преимущественно попадают те культурные истории, которые связаны с актуальным опытом взаимодействия с культурой, в то время как истории непосредственного жизненного опыта локализованы в области кратковременных позитивных состояний. Важно отметить, что нарративы индивидуальной жизни по своей аффективной насыщенности в большей степени приближаются к раннему культурному опыту у взрослых испытуемых, но для подростков любимая сказка в аффективном плане расположена в одной области со значимыми историями близких людей, раннего читательского и компенсаторного культурного опыта. Истории сверхценного и компенсаторного опыта расположены практически в центре, что можно интерпретировать как их насыщенность амбивалентными внутренними состояниями.

а

б

в

Рис. 1. Карты соответствий элементов истории и типов жизненного опыта (а — общая выборка; б — выборка подростков; в — выборка взрослых)

Условные обозначения: РКО — ранний культурный опыт; РЧО — ранний читательский опыт; АЧО — актуальный читательский опыт; СверхЦКО — сверхценный культурный опыт; АльтКО — альтернативный культурный опыт; КонфлКО — конфликтный культурный опыт; КомпенКО — компенсаторный культурный опыт; ЗОСО — значимый опыт социального окружения; ЗЛО — лично значимый жизненный опыт; СамопрЛО — самопрезентационный личный опыт

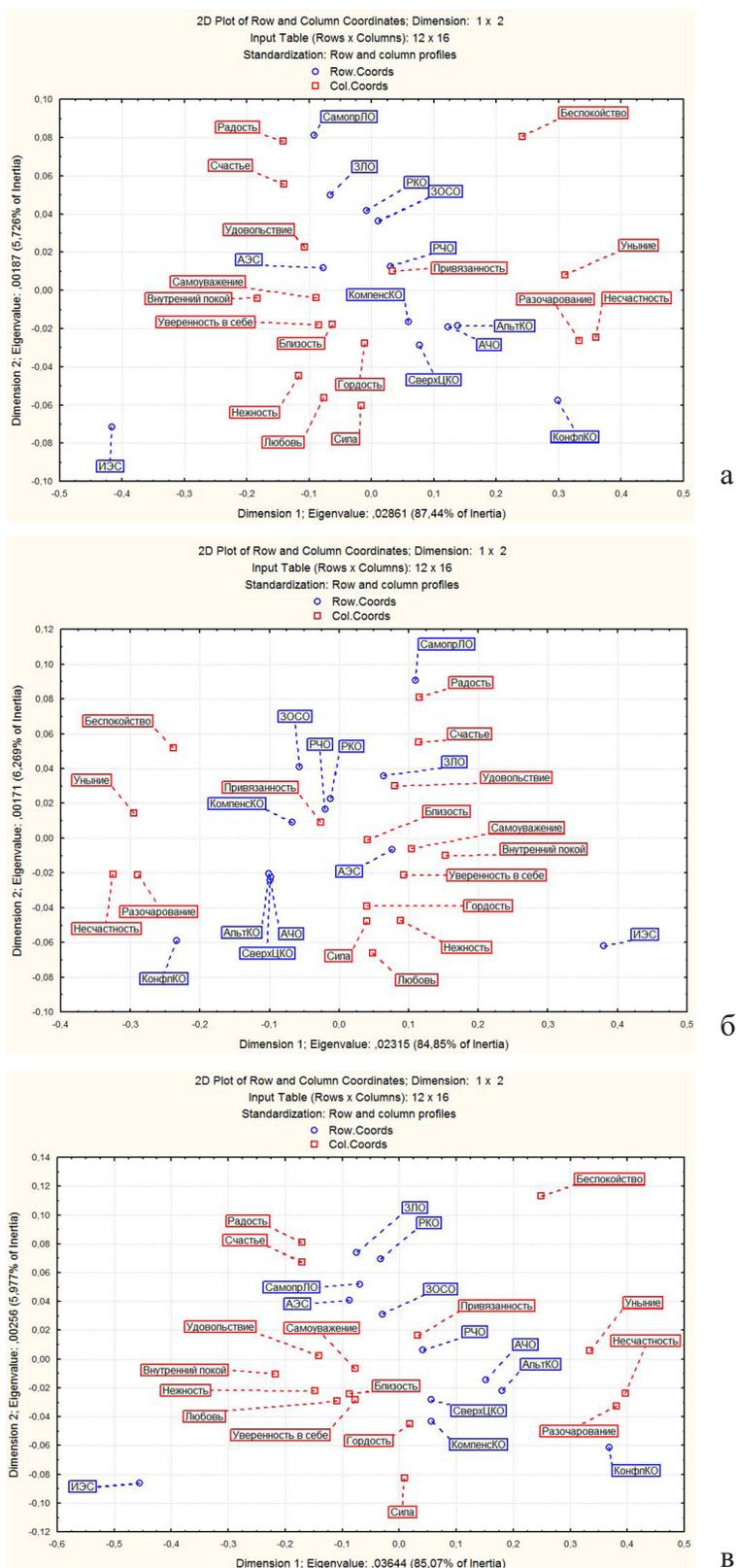

Рис. 2. Карты соответствия внутренних состояний и типов жизненного опыта (а — общая выборка; б — выборка подростков; в — выборка взрослых).

Условные обозначения: РКО — ранний культурный опыт; РЧО — ранний читательский опыт; АЧО — актуальный читательский опыт; СверхЦКО — сверхценный культурный опыт; АльтКО — альтернативный культурный опыт; КонфлКО — конфликтный культурный опыт; Компенско — компенсаторный культурный опыт; ЗОСО — значимый опыт социального окружения; ЗЛО — лично значимый жизненный опыт; СамопрЛО — самопрезентационный личный опыт; АЭС — актуальное эмоциональное состояние; ИЭС — желаемое эмоциональное состояние

Обсуждение

Проведенное исследование позволило продемонстрировать некоторые тенденции взаимодействия людей со смысловыми структурами, отраженными в культурных нарративах. Эмпирически выявленные типы сюжетных линий соответствуют выделяемым учеными-структуралистами универсальным темам в сюжетах культурных повествований (Х. Л. Борхес, К. Букер, Ж. Польти и др.). Так, архетипическая тема путешествия, являющаяся, по сути, метафорой жизненного пути человека, присуща классификациям сюжетов, представленным в научной литературе. В выявленных нами эмпирически сюжетах она проявляется в трех аспектах. Первый тип путешествия связан с испытанием личности героя, обретением им нового качества. Это путешествие преимущественно имеет результаты во внутреннем мире. Другой тип путешествия связан с возвращением к исходным условиям, нарушенным какими-либо обстоятельствами, восстановлением гомеостаза и обретением гармонии. Путешествие преимущественно имеет результаты во внешнем предметном мире. Восхождение героя указывает на путешествие, преимущественно имеющее результаты во внешнем социальном мире. Четвертая сюжетная линия является скорее обозначающей социальный контекст путешествия, эмоционального знака участия в нем других людей. Стоит отметить, что все три сюжета путешествия нашли свое отражение в классификации К. Букера (Booker 2004).

Результаты соотнесения сюжетных элементов и внутренних состояний с различными типами культурных и индивидуальных нарративов находят свое отражение среди теоретических положений о взаимодействии человека и художественного текста. В целом ряде работ высказывались предположения, что при конструировании вымышленных миров в ходе рецепции культурных нарративов снижается критичность сознания, характеризующая оценку своих действий и их последствий в обыденной жизни. В рамках восприятия культурного события его последствия не кажутся человеку угрожающими, напротив, их виртуальный характер способствует тому, что эмоциональный опыт реципиента обогащается на психологически безопасной для него дистанции. А человек получает своего рода «эмоциональную прививку», переживая события, которые он не хотел бы пережить в своей реальной жизни. Так, в работах К. Отли и Дж. Готтшалла высказывается мысль о том, что художественный мир отражает куда более

опасную, стрессогенную и событийно насыщенную жизнь, чем та повседневная действительность, которую мы проживаем в реальном мире (Gottschall 2012; Oatley 2012). К. Меллманн говорит о том, что мы спонтанно проявляем нежелательные и избегаемые в реальной жизни эмоциональные реакции тогда, когда воспринимаем культурные события, где мы сталкиваемся с вымышленными ситуациями и отношениями (Mellman 2002). Это подтверждается результатами анализа соответствий. Именно в историях культурного опыта в наибольшей степени проявлены проблемные отношения актора с миром, сопровождаемые негативным эмоциональным фоном его переживаний. Герой культурной истории обречен сталкиваться с трудными жизненными ситуациями и глубоко, трагически их переживать.

Особую интерпретационную силу для понимания взаимодействия человека и культуры приобретает предложенная Ф. Е. Василюком типология жизненных миров (Василюк 1984). Категориальная оппозиция «легкий — трудный» нашла свое отражение в событийной оси «напряженность — гармоничность отношений с социальным миром». Категориальная оппозиция «простой — сложный» может быть связана с осью «позитивность — негативность внутренних состояний». В таком случае личные истории соответствуют внешне легким и внутренне простым жизненным мирам, чьим ключевым свойством является психологический комфорт и удовольствие от жизни. Человек не может находиться долго в подобных мирах, но само пребывание в них отражает «обнаженное бытие, бытие, полностью открытое в мир», и в некоторой степени аналогично пребыванию плода в чреве матери (Василюк 1984, 95, 98). Переживание человеком пребывания в подобном мире не может не закрепляться в его памяти, а его содержание надолго остается маркером значимого и ценного опыта тогда, когда необходимо представлять другим свое Я. Культурные истории, принадлежащие к ранним событиям взаимодействия с культурой (любимая сказка, первая впечатлившая книга), в большей степени соответствуют внешне трудным и внутренне простым жизненным мирам. В этом плане ранний опыт взаимодействия с культурой строится по принципу освоения и покорения мира. Простота внутреннего мира приводит к тому, что образ внешнего мира упрощается, поскольку его оценка в данном случае дихотомична (Василюк 1984, 108). Строящееся сознание ребенка основывается на формировании категориальных структур, в том числе при восприятии

историй такого типа, где есть только черное и белое, правильное и неправильное, хорошее и плохое. В дошкольном детстве было бы преждевременно понимать неоднозначность и сложность отношений человека с миром и самим собой, это задача для последующих этапов развития. Мы обнаружили такую амбивалентность и сложность в актуальном культурном опыте испытуемых, нарративы которого проявляют себя как внутренне сложные и внешне трудные жизненные миры. Активное созидание человеком самого себя (Василюк 1984) сопровождается его взаимодействием со сложными мирами, вызывающими экзистенциальные вопросы бытия человека и актуализирующими его творческий потенциал. В то же время ситуации, требующие режима специфичного человеческого проявления, самодетерминации, энергозатратности и личностной автономии (Леонтьев 2011), встречаются в реальной жизни не так уж и часто. Но этого нельзя сказать о культурных нарративах, в которых книжным или экранным людям приходится сталкиваться с жизненными задачами повышенного уровня сложности, действовать на пределе своих возможностей, энергозатратно и с максимальной отдачей. Идентификация с подобными героями не только обеспечивает «эмоциональную прививку» реципиенту, позволяет ему моделировать спектр возможных реакций на трудные жизненные ситуации и проигрывать в сознании возможные модели собственного поведения в них. Полученный опыт также обеспечивает моральную

оценку бытия человека в динамично меняющемся сложном мире, диалогичность его сознания.

Заключение

Проведенное исследование раскрывает исследовательские возможности предложенной методики «Жизненные истории» в изучении нарративного сознания и выявлении значения культурных нарративов в конструировании историй индивидуальной жизни. Согласованность эмпирических результатов с рассмотренными теоретическими положениями может рассматриваться как некоторое подтверждение ее конструктивной валидности. Мы полагаем, что предложенная техника может обогатить арсенал методик нарративной психологии, поскольку при ее использовании возможно применение широкого спектра инструментов статистического анализа как индивидуальных, так и групповых данных. Предложенная процедура проведения методики может стать инструментом как установления контакта и развития диалога между исследователем и испытуемым, так и построения целостной картины его культурного опыта. Стоит отметить, что данная методика требует дальнейшего развития и проверки ее психометрических характеристик. Перспективны и дальнейшие исследования, демонстрирующие связь показателей данной методики с личностными характеристиками человека как субъекта взаимодействия с культурой.

Литература

- Алехин, А. Н., Богдановская, И. М., Королева, Н. Н., Проект, Ю. А. (2013) Становление знаково-смысловой регуляции поведения как фактор социализации ребенка в современном обществе. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология*, т. 6, № 4, с. 38–45.
- Бахтин, М. М. (1979) *Эстетика словесного творчества*. М.: Искусство, 423 с.
- Василюк, Ф. Е. (1984) *Психология переживания*. М.: МГУ, 200 с.
- Даниленко, О. И. (2010) Проективная методика изучения художественных предпочтений: теоретические основы, описание и опыт применения. *Вестник СПбГУ. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика*, № 3, с. 49–54.
- Джерджен, К. Дж. (2003) *Социальный конструкционизм: знание и практика*. Минск: БГУ, 232 с.
- Келли, Дж. А. (2000) *Теория личности. Психология личных конструктов*. СПб.: Речь, 249 с.
- Кутковая, Е. С. (2014) Нарратив в исследовании идентичности. *Национальный психологический журнал*, № 4 (16), с. 23–33. DOI: 10.11621/npj.2014.0403
- Леонтьев, Д. А. (2011) Новые ориентиры понимания личности в психологии: от необходимого к возможному. *Вопросы психологии*, № 1, с. 3–27.
- Родари, Дж. (1990) *Грамматика фантазии: введение в искусство придумывания историй*. М.: Прогресс, 206 с.
- Франселла, Ф., Баннистер, Д. (1987) *Новый метод исследования личности: руководство по репертуарным личностным методикам*. М.: Прогресс, 236 с.
- Херманс, Г. Й. М. (2006–2007) Личность как мотивированный рассказчик: теория валюации и метод самоконфронтации. *Постнеклассическая психология. Социальный конструкционизм и нарративный подход*, № 1 (3), с. 7–53.

- Челнокова, Е. А. (2012) Социальный конструкционизм: точка зрения на социально-дискурсивный мир. *Вестник ТвГУ. Серия: Педагогика и психология*, № 4, с. 22–27.
- Booker, C. (2004) *The seven basic plots: Why we tell stories*. Bodmin: Continuum, 728 p.
- Bruner, J. S. (1986) *Actual minds, possible worlds*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 222 p.
- Cox, C. (2005) *Teaching language arts: A student- and response-centred classroom*. 5th ed. Boston: Pearson Allyn and Bacon, 576 p.
- Gottschall, J. (2012) *The storytelling animal: How stories make us human*. New York: Houghton, 248 p.
- Green, M. C., Brock, T. C. (2000) The role of transportation in the persuasiveness of public narratives. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 5, no. 79, pp. 701–721. DOI: 10.1037/0022-3514.79.5.701
- Hermans, H. J. M. (2001) The dialogical self: Toward a theory of personal and cultural positioning. *Culture and Psychology*, vol. 7, no. 3, pp. 243–281. DOI: 10.1177/1354067X0173001
- Hogan, P. C. (2003) *The mind and its stories: Narrative universals and human emotion*. Cambridge: Cambridge University Press, 320 p.
- Mellman, K. (2002) E-Motion: Being moved by fiction and media? Notes on fictional worlds, virtual contacts and the reality of emotions. *PsyArt Journal*. [Online]. Available at: https://psyartjournal.com/article/show/mellmann-e_motion_being_moved_by_fiction_and_medi (accessed 21.07.2020).
- Oatley, K. (2012) *The passionate muse: Exploration of emotion in stories*. Oxford: Oxford University Press, 224 p.
- Wertsch, J. V. (1991) *Voices of the mind: A sociocultural approach to mediated action*. Cambridge: Harvard University Press, 169 p.
- Wertsch, J. V. (2002) *Voices of collective remembering*. Cambridge: Cambridge University Press, 212 p.

References

- Alekhin, A. N., Bogdanovskaya, I. M., Koroleva, N. N., Projekt, Yu. L. (2013) Stanovlenie znakovno-smyslovoj regulyatsii povedeniya kak faktor sotsializatsii rebenka v sovremennom obshchestve [Formation of sign and semantic regulation of behavior as a factor of socialization of the child in modern society]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya — Bulletin of the South Ural State University. Series: Psychology*, vol. 6, no. 4, pp. 38–45. (In Russian)
- Bakhtin, M. M. (1979) *Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of verbal creativity]*. Moscow: Iskusstvo Publ., 423 p. (In Russian)
- Booker, C. (2004) *The seven basic plots: Why we tell stories*. Bodmin: Continuum Publ., 728 p. (In English)
- Bruner, J. S. (1986) *Actual minds, possible worlds*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 222 p. (In English)
- Chelnokova, E. A. (2012) Sotsial'nyj konstruksionizm: tochka zreniya na sotsial'no-diskursivnyj mir [Social constructionism: The view of the socio-discursive world]. *Vestnik TvGU. Seriya: Pedagogika i psikhologiya*, no. 4, pp. 22–27. (In Russian)
- Cox, C. (2005) *Teaching language arts: A student- and response-centred classroom*. 5th ed. Boston: Pearson Allyn and Bacon, 576 p. (In English)
- Danilenko, O. I. (2010) Proektivnaya metodika izucheniya khudozhestvennykh predpochtenij: teoreticheskie osnovy, opisaniye i opyt primeneniya [Projective method for studying artistic preferences: Theoretical basis, description and empirical applications]. *Vestnik SPbGU. Seriya 12: Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika — Vestnik of Saint Petersburg University. Series 12: Psychology. Sociology. Pedagogy*, no. 3, pp. 49–54. (In Russian)
- Gergen, K. J. (2003) *Sotsial'nyj konstruksionizm: znanie i praktika [Social constructionism: Knowledge and practice]*. Minsk: Belarusian State University Publ., 232 p. (In Russian)
- Fransella, F., Bannister, D. (1987) *A manual for repertory grid technique*. Moscow: Progress Publ., 236 p. (In Russian)
- Gottschall, J. (2012) *The storytelling animal: How stories make us human*. New York: Houghton, 248 p. (In English)
- Green, M. C., Brock, T. C. (2000) The role of transportation in the persuasiveness of public narratives. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 5, no. 79, pp. 701–721. DOI: 10.1037/0022-3514.79.5.701 (In English)
- Hermans, H. J. M. (2001) The dialogical self: Toward a theory of personal and cultural positioning. *Culture and Psychology*, vol. 7, no. 3, pp. 243–281. DOI: 10.1177/1354067X0173001 (In English)
- Hermans, H. J. M. (2006–2007) Lichnost' kak motivirovannyj rasskazchik: teoriya valyatsii i metod samokonfrontatsii [Personality as a motivated storyteller: Theory of valuation and method of self-confrontation]. *Postneklassicheskaya psikhologiya. Sotsial'nyj konstruksionizm i narrativnyj podkhod*, no. 1 (3), pp. 7–53. (In Russian)
- Hogan, P. C. (2003) *The mind and its stories: Narrative universals and human emotion*. Cambridge: Cambridge University Press, 320 p. (In English)
- Kelly, G. A. (2000) *A theory of personality: The psychology of personal constructs*. Saint Petersburg: Rech' Publ., 249 p. (In Russian)
- Kutkovaya, E. S. (2014) Narrativ v issledovanii identichnosti [Narrative in the study of identity]. *Natsional'nyj psikhologicheskij zhurnal — National Psychological Journal*, no. 4 (16), pp. 23–33. DOI: 10.11621/npj.2014.0403 (In Russian)

- Leont'ev, D. A. (2011) *Novye orientiry ponimaniya lichnosti v psikhologii: ot neobkhodimogo k vozmozhnomu* [New guidelines for the understanding of personality in psychology: From the necessary to the possibility]. *Voprosy psikhologii*, no. 1, pp. 3–27. (In Russian)
- Mellman, K. (2002) E-Motion: Being moved by fiction and media? Notes on fictional worlds, virtual contacts and the reality of emotions. *PsyArt Journal*. [Online]. Available at: https://psyartjournal.com/article/show/mellmann-e_motion_being_moved_by_fiction_and_medi (accessed 21.07.2020). (In English)
- Oatley, K. (2012) *The passionate muse: Exploration of emotion in stories*. Oxford: Oxford University Press, 224 p. (In English)
- Rodari, G. F. (1990) *Grammatika fantazii: vvedenie v iskusstvo pridumyvaniya istorij* [Grammar of fantasy: An introduction to the art of storytelling]. Moscow: Progress Publ., 206 p. (In Russian)
- Vasilyuk, F. E. (1984) *Psikhologiya perezhivaniya* [Psychology of feelings]. Moscow: Moscow State University Publ., 200 p. (In Russian)
- Wertsch, J. V. (1991) *Voices of the mind: A sociocultural approach to mediated action*. Cambridge: Harvard University Press, 169 p. (In English)
- Wertsch, J. V. (2002) *Voices of collective remembering*. Cambridge: Cambridge University Press, 212 p. (In English)